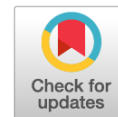

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

Введение: новые методы количественно-структурного анализа китайской истории

А.А. Маслов, М.С. Целуйко

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В данном эссе статьи публикуемого номера журнала описываются как имеющие общее проблемное и методическое поле, а также как принадлежащие, в основном, к одной школе изучения прошлого Восточной Азии. Вкратце описываются особенности данной школы и показывается, какие именно проблемы развиваются издаваемыми статьями. Статьи основателя школы Д.В. Деопика и его соавтора Б.К. Ганшина, а также специалистов по средневековому Китаю А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова посвящены единой проблеме символов девизов правлений, то есть субъективной периодизации истории ее деятелями, основанной на придании времени определенного имени. Функции этого имени, а также соотношение такой субъективной периодизации с реальным политическим процессом являются вопросами, исследуемыми в данном блоке статей. Второй блок статей — работы В.В. Башкеева и В.В. Глазуновой объединяются общим периодом — эпохой Западной Хань. Третий блок — работы М.С. Целуйко и О.А. Бонч-Осмоловской — сфокусирован на проблеме исследования канонов в частности и каноноведения вообще. Представленные статьи углубляют и расширяют проблемное поле научной школы. Расширение трактуется как постановка новой для школы проблемы и поиск метода ее решения. Углубление же, соответственно — это усложнение уже поставленной проблемы и коррекция существующих моделей. Статья О.А. Бонч-Осмоловской стоит отдельно от прочих, так как не принадлежит к общей для остальных научной школе, но является хорошей точкой опоры для сравнения и рефлексии.

Ключевые слова: научная школа; научная традиция; научные методы; проблемное поле; Китай.

Как цитировать

Маслов А.А., Целуйко М.С. Введение: новые методы количественно-структурного анализа китайской истории // *Китай: общество и культура*. 2022. Т. 1. № 1. С. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

Introduction: The New Approaches to the Quantitative Structural Analysis of Chinese History

Alexey A. Maslov, Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This essay describes the papers published in this issue as (mostly) belonging to one problematic and methodological field, thus composing one scientific school or tradition. The main traits of this school are briefly outlined in the beginning. The papers written by the founder of the school, D. Deopik and his coauthor B. Ganshin comprise the first part of the issue, together with the papers of A. Andreeva and A. Kozhukhov. These papers are united by the problem of the era names, their functions, and correlation between them and real political process in the history of various empires, which existed on the territory of East Asia. The two papers comprising the second part of the issue, written by V. Bashkeev and V. Glazunova, have a common period of studies, that being the Western Han Empire. The last two papers of the issue are authored by O. Bonch-Osmolovskaya and M. Tseluyko. They deal with the problems of canon studies in China, researching exegetic tradition and the contents of ancient canonical text *Shujing*, respectively. Each paper presented in this issue either broadens or deepens the field of studies for their common scientific school, meaning that it either includes a new hitherto untouched (in this specific scientific school) problem and proposes a distinct approach to solving it or outlines a complication of the already existing problem, proposing an additional method for solving it. The only exception is the paper of O. Bonch-Osmolovskaya, which does not belong to the same scientific school as other papers on the issue but represents a good point for reflection and comparison.

Keywords: scientific school; scientific method; problematic field; scientific tradition; China.

To cite this article

Maslov AA, Tseluyko MS. Introduction: The New Approaches to the Quantitative Structural Analysis of Chinese History. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):9–17. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

Received: 04.03.2021

Accepted: 14.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

引言：中国历史定量结构分析的新方法

Alexey A. Maslov, Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

抽象的

杂志本期的出版的文章时评为现存的一个共同问题和方法领域，以及对旧东亚的一种研究学派。简要描述了该学派的特点，并通过出版的文章展现了该问题的发展。该学派创始人 D. V. Deopic、其合著者 B. K. Ganshin 以及中世纪中国专家 A. V. Andreeva 和 A. Yu. Kozhukhov 的文章专注于统一代号的符号问题，也就是说根据历史人物对历史的主观分期，给时间一个特定的名称。这个名称的功能以及这种主观周期与实际政治过程的关系是本文所研究的问题。文章第二部分——是 V. V. Bashkeev 和 V. V. Glazunova 统一了一段共同的时期——西汉时期。第三部分——M. S. Tseluyko 和 O. A. Bonch-Osmolovskaya 的著作——是对经史子集及其一般标准的研究。所发表的文章深化和扩展了科学学派的问题领域。此类扩展被视为对学派提出了一个新的问题并探索其解决方法。相应地，深化是对已经存在的问题的加深了解以及对现有模型的修正。O. A. Bonch-Osmolovskaya 的著作与众不同，因为它不属于一般科学流派，但它是一个很值得对比和反思的参考点。

关键词：科学学派；科学传统；科学方法；问题领域；中国。

如何引用文章

Maslov AA, Tseluyko MS. 引言：中国历史定量结构分析的新方法 *China: Society and Culture*. 2022;1(1):9-17.
DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

收到: 04.03.2021

接受: 14.06.2021

发布日期: 04.10.2021

Статьи, опубликованные в предлагаемом вниманию читателя первом номере журнала «Китай: общество и культура», с одной стороны, заметно различаются по исследуемой проблематике, с другой стороны, схожи в том, что методы авторов (семи из восьми авторов) разработаны в рамках школы количественных, точных и структурных методов исследования истории традиционного общества Востока, создаваемой Д.В. Деопиком с 1960-х годов. В XXI в. эта школа развивалась на китаистическом направлении во многом благодаря системе проектов, налаженной М.Ю. Ульяновым в ИСАА и далее продолженной поколением их учеников, к числу которых относятся и некоторые авторы статей данного номера [1].

Эта научная школа объединена общностью метода и проблемного поля. В то время, как часть научных задач ставится в рамках школы, другая, большая часть, была сформулирована до нас в рамках мировой и отечественной традиций китаеведения. В каждом из исследований, представленных в данном номере, пересекаются несколько крупных проблем.

Наиболее фундаментальная из них, это, конечно, вопрос, исследуемый в статье основателя данной школы Д.В. Деопика, написанной в соавторстве с Б.К. Ганшиным. Эта статья представляет первую часть большого исследования почти непрерывной двухтысячелетней традиции символизации политической истории, обозначения времени власти в Восточной Азии посредством кратких (чаще всего состоящих из двух иероглифов) формулировок *няньхао* 年号, которые традиционно переводятся в российской синологии как «девизы правлений». Они выступают как имена, даваемые времени. Традиция давать определенное название некоему периоду правления императора начинается до нашей эры, в Западную Хань (202 г. до н.э. — 9 г. н.э.) и заканчивается только с концом монархии в 1911 году. Поэтому можно сказать, что она покрывает весь имперский период существования китайского традиционного государства и общества в Восточной Азии. Все *няньхао*, исследуемые в статье (в общей сложности 293), складываются в гипертекст, писавшийся две тысячи лет самой историей, а не каким-то конкретным человеком с его политическими, классовыми, религиозными предпочтениями, гипертекст, к которому применимы количественные методы исследования. Классификация их по основным группам позволяет выявить характер изменений приоритетов власти, показать, какие задачи она перед собой ставила, установить меру непрерывности самопрезентации китайской цивилизации, показать степень близости к власти разных религиозных традиций и мировоззренческих систем — и все это на разных поворотах ее истории за две тысячи лет. Таким образом, это исследование в будущем дает нам методику получения относительно точного ответа на вопрос о том, насколько та или иная династия была «китайской», сколько нового она привнесла в самосознание общества и власти, в сравнении с династиями предыдущими. Именно это исследование намечает новый, точный подход к решению старой и глубочайшей китаистической научной проблемы

исторической целостности и единства трехтысячелетней цивилизации китайцев (точнее *хуася*) в Восточной Азии.

Сравнение такой естественной периодизации политического процесса через *няньхао* с периодизацией, выполненной научными методами, позволит также ответить на вопрос о том, насколько четко политические деятели китайских империй понимали сущность происходящих с их государством процессов, насколько последние были осознаны современниками. Решению этой задачи в данном номере посвящены статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова, исследующих династийные истории: первая — *Цзю тан шу* (*Старая история Тан*), второй — *Сун шу* (*История Сун*).

В статье А.В. Андреевой составлена периодизация правления танского Гао-цзуна (649–653 гг. н.э.) на основе количественного анализа упоминаний активности субъектов политического процесса в источнике. Показано, что количественно прослеживаемые пики активности проходят в окрестностях изменений девизов правлений, что означает соответствие между реальностью исторического процесса и осознанием его ключевыми деятелями эпохи, дополнительный анализ характера событий подтверждает закономерность сделанного вывода, так как эти события связаны с борьбой за наследование власти, в первую очередь, ведшейся императрицей У Цзэтянь.

В статье А.Ю. Кожухова похожее исследование проведено по отношению к правлению сунского императора Хуэй-цзуна (1100–1126). В этой работе анализ активности субъектов политического процесса дополнен построением графиков частотности разных типов действий. Соотнесением активности императора с частотностью ритуальных действий показывается, как монарх теряет власть и вытесняется в сферу сакрального в преддверии крушения государства Северная Сун в 1127 г.

Впервые в китаистике подобный количественный анализ частотности типов действий и активности субъектов политического процесса был проведен Д.В. Деопиком в 1977 г. при исследовании первого хорошо известного памятника летописной традиции в Восточной Азии — *Чуньцю* 春秋 («Весны и осени») [2]. Этот метод основывается на принципиальном преимуществе использования количественных инструментов при анализе текстов, который заключается в том, что исследователем анализируется то в тексте памятника, что автором памятника при создании (переписывании, редактировании, комментировании) не осознавалось — а раз не осознавалось, то и не могло быть сознательно изменено или искажено в соответствии с приоритетами автора. Причина этого в том, что, являясь достижением нашего времени, развитой статистики и научной философии, количественные методы не были доступны для древних авторов. Впрочем, не было у них и компьютеров для полноценного применения машинной обработки текста и создания баз данных, таблиц и графиков.

Итак, сравнивая периодизацию на основе девизов правления с периодизацией на основе анализа активности субъектов и частотности действий, мы сравниваем

не осознаваемой авторами памятника слой его информации с реальностью, осознанной политическими деятелями описываемой им эпохи (и часто данной им в неприятных ощущениях). И совпадение дат пиков графиков активности субъектов и частотности действий, с одной стороны, и дат смены девизов правлений, с другой стороны, — само по себе решает крайне важный источниковедческий вопрос. Оно показывает, что династийная история данной эпохи, написанная через десятки (иногда сотни) лет после ее завершения, тем не менее соответствует ее политической динамике на количественно прослеживаемом уровне. Что означает — источник адекватен эпохе. Это особенно важно, потому что часто династийную историю государства («династии») в Восточной Азии писали вовсе не доброжелатели, а наоборот, те, кто пришел им на смену после победы над ними в войне или заговоре. В таком случае победители пишут историю побежденных и, как следствие, можно ожидать сильных искажений в оценке событий и персоналий.

Здесь и проступает очевидная эффективность этого подхода. Во-первых, применение количественных методов в данном случае позволяет снять вопрос об искажении или фальсификации исторической информации по политическим мотивам. Во-вторых, он позволяет нам получить из источника информацию, которая не содержится там эксплицитно, прямо не высказана словами, потому что само ее наличие не осознано автором.

Так, например, на основе анализа корреляции субъектов политического процесса можно сделать количественно обоснованный вывод относительно их принадлежности к одной и той же политической группировке, либо, наоборот, о происходящей между ними политической борьбе, хотя прямо сформулированных указаний на это источник не оставляет. Этот метод может быть (с определенными модификациями, естественно) применен и к анализу источников по современным нам политическим процессам в Китае.

Другой важной методической особенностью этих статей является составление периодизаций. Необходимость и важность периодизирования исторического процесса на разных его уровнях и отрезках часто кажется неочевидной, пустой и бессмысленной формальностью тем, кто не сталкивался с источниками, имеющими большие массивы сообщений о событиях, не организованных в связные повествования — рассказы, где была бы очевидна причинно-следственная связь между событиями. Периодизация позволяет обобщить и объединить разрозненные события и представить их как фазу одного процесса, как фактически одно континуальное слитное действие. С другой стороны, периодизация сходных по типу процессов (например, правлений императоров) позволяет

понять их как разные варианты действия одной и той же системы, а следовательно, выделить истинные, системные различия между ними, показать эволюцию системы на большом количестве ограниченных по типу фаз. В этом смысле можно было бы уподобить политическое тело, государство, империю (или «династию») человеческому сердцу или четырехтактному двигателю внутреннего сгорания. Его неисправности и дисфункции отражаются на стабильности фаз в ритме работы клапанов и цилиндров. Изучая вопрос о крушении империи и смене династий (один из самых старых и сложных вопросов в китаистике), необходимо начинать с получения подробной периодизации, так же как при лечении сердца прежде всего делают электрокардиограмму, позволяющую понимать: на каком из повторяющихся этапов что-то идет не так, а следовательно, и какой общественно-политический институт (или, если продолжать сердечную метафору — то какое предсердие или желудочек) стал работать не так, как раньше.

В данной научной школе именно периоды — это те единицы исторического процесса, которые стабильно и количественно доказуемо позволяют проявлять системные изменения от одной эпохи истории Восточной Азии к другой. Критерии и методология периодизации описаны в соответствующих работах Д.В. Деопика, М.Ю. Ульянова, В.В. Башкеева, М.С. Целуйко и др.¹

Результатом этих исследований стала, помимо прочего, гипотеза стандарта четырех этапов монархического правления в Восточной Азии². Однако в естественной самопериодизации правлений по девизам часто случается, что количество девизов меньше, чем четыре, или, как в случае исследований А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова — больше, чем четыре.

Следовательно, появляется научная проблема уточнения и проверки гипотезы периодизации отдельного правления монарха на богатейшем эмпирическом материале реальных правлений. Естественно, ставится вопрос: что означает такое несовпадение количества периодов-девизов, осознаваемых современниками правления с гипотетической стандартной моделью? Модель неадекватна? Или, напротив, самопериодизация девизами не отражает действительности, а является лишь ритуальным (сакральным, мантическим, магическим) действием? Статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова дают этому иное объяснение: при интенсивной политической борьбе в условиях общей институциональной стабильности один и тот же этап борьбы (например, за передачу власти) может перезапускаться политическими деятелями в случае их неудовлетворенности исходом³. Для такой гипотетической модели правления это означает, что большое количество девизов в рамках одного правления есть симптом

¹ Подробнее о периодизации см.: [3].

² Первый этап — борьба за получение высшей власти, второй — борьба за удержание высшей власти, третий — борьба за реализацию высшей власти, четвертый — борьба за передачу высшей власти [3].

³ Под институциональной стабильностью имеется в виду, например, ситуация, когда монарха не убивают при интенсивном продолжительном конфликте, но и у монарха нет возможности лишиться власти или уничтожить своих противников.

жестокой внутренней борьбы, протекающей, однако, в рамках общегосударственной устойчивости, то есть по определенным институциональным правилам игры. Таким образом, данные исследования позволяют с помощью материала средневековых династийных историй уточнить и усложнить принятую в нашей научной школе модель отдельного монархического правления, созданную некогда на основе материала источников древности.

Этот методологический факт позволяет нам также поставить вопрос: что это — эффект от большей подробности средневековых источников (династийных историй), или же сама политическая реальность средних веков Восточной Азии изменилась по сравнению с древностью, и мы наблюдаем действие неизвестных социально-политических сдвигов в устройстве империи?

Подведем итог введения в проблематику первых трех статей нашего номера. Очевидно, что **расширяющая** проблемное поле данной научной школы статья Д.В. Деопика и Б.К. Ганшина фокусируется на малоизученной (и потому относительно новой) проблеме содержательной и **мировоззренческой** стороны девизов правления как гипертекста, показывающего приоритеты всей цивилизации, и как самопериодизации, показывающей осознанность исторического процесса. Статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова, рассматривая не содержание девизов, а их соотнесение со временем и событиями, решают проблемы, возникающие в рамках уже существующих у нас гипотетических моделей⁴. Эти исследования приводят к усложнению исторических моделей, поэтому они **углубляют** проблемное поле. Однако, если они будут взяты вне контекста и понимания задач данной научной школы, эти последние исследования кажутся узкими, формальными и скудными на сенсации или научную дискуссию.

Так же углубляют научное поле в сферах изучения источниковедения династийных историй и политического процесса империи Западная Хань две другие статьи из представленных в нашем номере — статьи В.В. Башкеева и В.В. Глазуновой.

Статья В.В. Глазуновой отчасти схожа с рассмотренными выше тем, что посвящена соотнесению периодизаций разных (но связанных) исторических процессов: политической борьбы за верховную власть при императорском дворе в столице империи, с одной стороны, и политического процесса в удельных княжествах. Последние управлялись родственниками императора и покрывали часть территории империи. Данная статья, таким образом, исследует территориальное измерение политических отношений в правящем императорском роду. Если статьи, рассмотренные выше, исследовали вопросы временного единства и различия организма цивилизации и империи в Восточной Азии, то данная статья затрагивает также и проблему его пространственного единства.

Или перефразируя: от вопроса «как империя проявляет себя во времени» мы частично переходим к вопросу «как империя проявляет себя в пространстве во время ее существования». Таким образом, рассматривается территориально-политический процесс.

Изначально в рамках данной научной школы проблема территориального единства и различия цивилизации *хуся* в Восточной Азии была поставлена Д.В. Деопиком и М.Ю. Ульяновым в их трудах, посвященных формированию двуединого региона Восточная Азия, выделению историко-культурных зон и аграрных очагов на основе археологического материала [4]. В работах М.С. Целуйко исследуется территориально-политический процесс складывания государства Цинь в эпоху Восточное Чжоу (VIII–III вв. до н.э.) [5–6]. Она непосредственно предшествует эпохе империи, исследуемой в статье В.В. Глазуновой. С другой стороны, в китаистике уже давно присутствует проблема так называемых «уделов» и «владений», существующих в Восточной Азии начиная с эпохи Западное Чжоу. Она, в свою очередь, входит в область проблем централизованного или полицентрического состояния государств в Восточной Азии. В данной научной школе результатом предшествующих исследований этой проблемы стало понимание роли земельного ресурса в рамках территориально-политического процесса как ресурса для достижения компромисса внутри рода правителя. Правителю, восходящему на трон, требовалось договориться с теми родственниками по отцовской линии, которым престол монарха не достается. В рамках договоренности им даруется возможность основать собственный род владетельной территориальной знати [5]. Такие удельные институты были уничтожены империей Цинь (221–207 гг. до н.э.), но восстановлены основателем империи Хань, Лю Баном (202–195 до н.э.). Естественно, возникает вопрос, отличались ли институты эпохи империи от соответствующих установлений эпохи предшествующей? То есть отличалась ли удельная система Западной Хань от удельной системы государств Восточного Чжоу? Исследование В.В. Глазуновой дает положительный ответ на этот вопрос и показывает, что отличие состояло в первую очередь в характере взаимодействия верховной власти в столице с ветвями своего рода в уделах. В отличие от монархов эпохи Восточное Чжоу, ханьские императоры в середине империи Западная Хань создали систему, благодаря которой могли легитимно переводить своих родственников с одного удела в другой удел, таким образом, организуя смену власти в уделах на законных основаниях, иерархизируя и подчиняя себе отношения между представителями императорского рода Лю. Так осуществлялся контроль верховной власти над боковыми ветвями правящего рода, с одной стороны, и контроль правящего рода над частью территории империи, с другой. Поэтому, когда в начале I в. н.э. контроль над центральной властью в столице захватил

⁴ Любая модель, которую надо проверять на трех тысячах лет эмпирического материала, должна называться гипотетической до окончания этой проверки, что отнюдь не уменьшает ее объяснительной силы.

род Ван (в лице Ван Мана), то созданное им государство Синь (9–23 гг. н.э.) продержалось совсем недолго и было уничтожено представителями рода Лю. Таким образом, с одной стороны, система уделов была системой постоянной борьбы центральной власти с боковыми ветвями правящего рода, что выражалось в обратной пропорциональной зависимости между стабильностью власти в уделах и стабильностью верховной власти, как наглядно (количественно) показала статья В.В. Глазуновой. С другой стороны, посредством новой, имперской системы уделов род Лю долгое время сохранял контроль над территорией Восточной Азии (в общей сложности около 400 лет). Естественно, такое разрешение проблемы уделов в Западной Хань ставит вопрос: почему же эта система не сработала в конце Восточной Хань (23–220 гг. н.э.), когда группировки военачальников разорвали некогда единую империю на части? Будем ожидать, что В.В. Глазунова продолжит работать над этой темой.

Статья В.В. Башкеева, который является главным специалистом данной научной школы по Западной Хань, объединяет исследование политического процесса Западной Хань с источниковедческим анализом основного источника — *Хань шу*. Этот памятник является первой, в полной мере династийной историей⁵.

Традицию такого рода объединения в нашей науке заложил Д.В. Деопик в своих работах над *Чуньцю* [2]. Методологическим основанием данных исследований является анализ подробности изложения в памятнике разных типов событий разных периодов, лежащий в основании понятия **приоритета** источника. Результатом исследований приоритетов памятника явилось представление о том, что как рост подробности, так и появление умолчания являются следствием политической борьбы. То есть динамика подробности изложения событий в источнике сама по себе предоставляет исследователям информацию о политическом процессе. Однако умолчание крайне сложно отличить от банального недостатка информации. К решению этой проблемы данная научная школа шла постепенно, через создание научного представления о разных типах сообщений и нарративов в источниках, на основе чего М.Ю. Ульяновым был введен термин «структурно-жанровая группа» для анализа разных типов текстов исторического нарративного памятника *Чуньцю Цзочжуань*⁶. Постепенно стало формироваться представление о том, что использование некоторых из структурно-жанровых групп, особенно содержащих развернутые диалоги и литературные элементы, может быть тождественно фигуре умолчания о важных политических событиях.

Данная в этом номере статья В.В. Башкеева показывает, что такие типы текстов применяются для того, чтобы изменить подробность источника с политическими

целями. Например, повысить ее в особо важные годы (такие, как годы смерти правителя) в условиях, когда дать информацию о реальных событиях источник по той или иной причине не может, но должен говорить о важном и говорить много. То есть широта придуманных редакторами династийной истории речей заполняет лауну, возникшую из-за политической невозможности дать подробную событийную информацию. Таким образом, исследование решает научную проблему функций разных типов текста в династийных историях и получает объективную, количественно проверяемую информацию по политическому процессу правления основателя империи Западной Хань Лю Бана.

С другой стороны, из неоднородности текстов больших нарративных источников (таких, как *Ши цзи* Сыма Цяня, *Чуньцю Цзочжуань* и все династийные истории), естественно, возникает вопрос: инкорпорируют ли они в свой состав те первоисточники, на основе которых писались? Цитируют ли они их? Содержат целиком? Содержат отредактированную версию? Поиск и реконструкция более ранних (перво)источников из текстов более поздних — это важнейшая задача историка, стремящегося датировать каждое сообщение памятника, чтобы отделить информацию, синхронную событиям, от более поздних конструкторов⁷. Статья В.В. Башкеева в этом смысле также решает данную научную проблему в применении к *Хань шу*. Автором выделяются в памятнике тексты эдиктов императора, доказывається их принципиальное отличие от текстов литературных историй. Оно состоит в том, что распределение эдиктов совпадает с распределением событийной информации о политическом процессе, в отличие от распределения тех типов текста, которые вставлены как раз для искажения подробности. Вследствие этого эдикты необходимо считать как события, то есть случаи реальной административной деятельности императора, а не как более поздние придуманные идеологические тексты. Посчитанные таким образом эдикты по своему распределению по времени показывают, что основатель Хань Лю Бан не был вытеснен в сакральную сферу в конце своего правления, имел реальные рычаги управления и активно им занимался. То, что это реальное активное управление было резко прервано безвременной кончиной монарха, заставляет подозревать здесь убийство, а не смерть по естественным причинам. В.В. Башкеев количественно обосновал в статье свою научную интуицию, которая давно содержалась (и иногда высказывалась при обсуждениях) в его исследованиях.

Таким образом, создан **количественный** метод отделения эдикта как типа текста, синхронного событиям, от литературных повествований (или, проще говоря,

⁵ «Исторические Записки» (*Ши цзи* 史记) Сыма Цяня посвящены не истории одного государства, а смене нескольких последовательных эпох и большому количеству самостоятельных государств.

⁶ Подробнее о структурно-жанровых группах [7].

⁷ Например, в исследовании М.Ю. Ульянова по *Чуньцю Цзочжуань* ставится вопрос о реконструкции первоисточника царства Лу, лежавшей в основании как *Чуньцю*, так и *Чуньцю Цзочжуань* [8].

сплетен, преданий и баек), созданных после событий⁸. Это повлияет не только на изучение политического процесса по династийным историям, но и на китаеведческие исследования других типов. Например, лингвисты получают возможность реконструкции официального языка более ранней эпохи из более поздних памятников, что будет особенно плодотворно при сравнении с синхронной эпохе эпиграфикой.

Последние две статьи, представленные в данном номере журнала, — статьи О.А. Бонч-Осмоловской и М.С. Целуйко, обе так или иначе затрагивают проблему формирования традиции китайских канон.

Статья М.С. Целуйко посвящена исследованию социальных функций древнекитайского канона *Шуцзин*. Эта статья полемически сфокусирована на дискуссии о «литургической гипотезе» функций раннего слоя памятника. Эта гипотеза состоит в том, что ранний слой канона является записью речей-восхвалений, устно исполнявшихся в рамках ритуала культа предков и посвященных первым царям государства Западные Чжоу. Таким образом, здесь продолжается дискуссия об устной либо же письменной передаче древнего культурного наследия. Эта дискуссия началась в советской синологии еще с конца 1950-х годов, когда Л.Д. Позднеева опубликовала исследования, в которых утверждался устный характер древних текстов философских трактатов. Их специфическая структура, основанная на параллелизмах, интерпретировалась как особенность древнекитайского ораторского искусства [9]. Ей возражали другие ученые, например, В.А. Рубин [10] и К.В. Васильев [11], считавшие, что в Китае в древности не возникло предпосылок для развития ораторского искусства по типу греческого ораторского искусства древности.

На эту дискуссию по своему типу похож и спор о литургических функциях раннего слоя *Шуцзина*, и также, как и вышеупомянутая дискуссия, он сводится к вопросу об устной или письменной передаче текстов в древности. Только теперь устный компонент сводится не к ораторскому искусству, а к «литургическому» — то есть культовому, жреческому и ритуальному.

Не будем останавливаться на аргументации сторон (она подробно изложена в статье), скажем только, что М.С. Целуйко в своей статье дает количественно обоснованную гипотезу социально-политических, а не культовых, функций раннего слоя памятника как в первую очередь санкции на коммуникацию между различными социальными группами. Таким образом, в основе данного исследования лежит мысль о реконструкции изначального социального интереса, стоявшего за письменным текстом, а следовательно, о реконструкции той социальной группы, которую составляла его аудитория в момент записи в той форме, в которой он до нас доходит. Эта социальная группа изначально была заинтересована в сохранении и передаче этого письменного памятника.

В отличие от статьи М.С. Целуйко, исследование О.А. Бонч-Осмоловской затрагивает древние каноны с точки зрения анализа собственной китайской традиции их восприятия, изучения и комментирования, то есть с точки зрения каноноведения, или конфуцианской экзегезы. Эта статья написана в рамках петербургской научной школы, которая рассматривает тексты памятников как факты духовной и философской культуры, не как исторические источники по политической или социальной истории, и напротив, политическую или социальную историю как контекст формирования культурной традиции канон. Эта исследовательская традиция частично идет от школы академика В.М. Алексеева и его учеников. Можно сказать, что каноноведение является религиоведением настолько, насколько конфуцианство является религией, а конфуцианские комментарии — теологической экзегезой. Очевидно то, что каноны являлись высокочтимыми текстами даже тогда, когда не являлись «священными» в западном понимании этого слова. И если и можно говорить о каком-то определенном конфуцианском «религиозном» служении, то эта деятельность вся формировалась вокруг канон и написания комментария к ним. Таким образом, исследование конфуцианской экзегезы — это исследование специального, характерного только для Восточной Азии типа культурного и квазирелигиозного творчества.

Автор статьи исследует малоизученный с точки зрения именно культурного творчества период Троецарствия (220–280 гг. н.э.), следующий непосредственно за крушением империи Хань, и анализирует закономерности того, как это крушение отразилось на эволюции специфических жанров комментария, которые на тот момент существовали в конфуцианстве. Особенно важными представляются тезисы автора статьи об универсализации каноноведческих школ, которая предшествовала, однако, не унификации, как можно было бы подумать, а напротив, разрастанию полемических жанров комментария. Здесь видится одна из особенностей не только исторического, но культурного и цивилизационного процессов в Восточной Азии: универсализация дискурса ведет к разрастанию конфликта и его дальнейшей сегментации, а также синтезу разных учений и текстологических традиций. Данное исследование показывает предпосылки образования того более позднего явления, которое можно условно называть китайским религиозным синкретизмом.

Подводя итоги нашему предварительному обзору, хочется подчеркнуть, что жанр и предельный размер статьи в научном журнале часто не позволяют поместить сколько-нибудь подробное описание более широкой исследовательской рамки в каждую из статей, поэтому мы делаем это здесь, в предисловии к номеру. Кроме того, жанр научных журнальных публикаций не позволяет опубликовать переводы глав династийных историй и полные базы данных действий и субъектов, на которых

⁸ Мы подчеркиваем, что метод — количественный, так как качественные методы для этого существовали раньше.

основаны некоторые из публикуемых исследований (в частности, статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова). Такие приложения заняли бы многие десятки, а то и сотни страниц. К сожалению, несмотря на оживленные разговоры о «цифровизации» и т.п., в институциональном поле

современной российской гуманитарной науки отсутствует способ опубликовать большие базы данных и подробную статистику «цифровизации» политического процесса в рецензируемом журнале. И мы можем только надеяться, что когда-нибудь это состояние дел изменится к лучшему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. О нашем направлении в изучении истории традиционного Китая: теория и практика создания научного коллектива // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 3. С. 9–43.
2. Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю». В кн.: Ковальченко И.Д. Математические методы в историко-экономических в историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 143–187.
3. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: Отголосок прошедшего в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.
4. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н.э. // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 1. С. 39–62.
5. Целуйко М. С. Политические институты древней Восточной Азии эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.): между внутренней и внеш-

- ней политикой // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 3. С. 205–223.
6. Целуйко М.С. Формирование территории метрополии царства Цинь с VIII по IV в. до н.э. // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 124–176.
7. Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // Общество и государство в Китае. 2011. Т. 41. № 1. С. 43–59.
8. Чунь цю Цзо чжуань: Комментарий Цзо к «Чуньцю» / исследование, пер. с кит. М.Ю. Ульянова. М.: Восточная литература, 2011. 335 с.
9. Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Вестник древней истории. 1959. № 3. С. 22–43.
10. Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. М.: Восточная литература, 1999. С. 182–190.
11. Васильев К.В. «Планы сражающихся царств»: исследование и переводы. М.: Наука, 1968. 256 с.

REFERENCES

1. Deopik DV, Ulyanov MYu. On Our School Studying Ancient China History: Theory and Practice of Research Team Development. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2019;(3):9–43. (In Russ).
2. Deopik DV. Opyt kolichestvennogo analiza drevnei vostochnoi letopisi "Chun Qiu". In: Kovalchenko ID. *Mathematic Methods in Historical, Economic and Cultural Studies*. Moscow; 1977. P:143–187. (In Russ).
3. Bashkeev VV, Ulyanov MYu, Tseluyko MS. Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisani drevnei i srednevekovoi istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoi Azii. In: *Otgososok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:47–71. (In Russ).
4. Deopik DV, Ulyanov MYu. Historical-archaeological description of the Region of Eastern Asia in X–I Millennia BC. *Society and State in China*. 2012;42(1):39–62. (In Russ).
5. Tseluyko MS. Political Institutions of the Ancient East Asia in the Chunqiu Period (VII–V B.C.): Between the Internal and External

- Politics). *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2019;(3):204–222. (In Russ).
6. Tseluyko MS. Formation of the Qin State Territory in VIII – IV cc. BC. *Society and State in China*. 2019;49(1):124–176. (In Russ).
7. Ulyanov MYu. Textual Aspects of the Study of Chunqiu Zuo Zhuan: to Problem of Distinguishing and Characterizing Structural Genre Groups. *Society and State in China*. 2011;41(1):43–59. (In Russ).
8. Ulyanov MYu, transl., comment. *Chun Qiu Zuo Zhuan: The Commentary of Zuo on the Spring and Autumn Annals*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2011. 335 p. (In Russ).
9. Pozdneeva LD. Oratorskoe iskusstvo i pamyatniki drevnego Kitaya. *Journal of Ancient History*. 1959;(3):22–43. (In Russ).
10. Rubin VA. *Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1999. P:182–190. (In Russ).
11. Vasil'ev KV. *"Plany srazhaiushchikhsia tsarstv": issledovanie i perevody*. Moscow: Nauka; 1968. 256 p. (In Russ).

ОБ АВТОРАХ

Маслов Алексей Александрович, д-р ист. наук, профессор; адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32; ORCID: 0000-0001-7337-2874; e-mail: amaslov@asianinstitute.org

* **Целуйко Максим Сергеевич**;

адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32; ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986; e-mail: atharvan@mail.ru

AUTHORS' INFO

Alexey A. Maslov, Dr. Sci. (Hist), Professor; address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia; ORCID: 0000-0001-7337-2874; e-mail: amaslov@asianinstitute.org

* **Maxim S. Tseluyko**;

address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia; ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986; e-mail: atharvan@mail.ru

* Автор, ответственный за переписку / Corresponding author